

Корецкий Данил Аркадьевич,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: koretski@mail.ru

Koretsky, Danil A.,
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law,
Professor, Professor of the Department of
Criminal Law and Criminology, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: koretski@mail.ru

Стешич Елена Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
125993, г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8,
email: esteshich@mail.ru

Steshich, Elena S.,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Department of Management of Crime
Investigation Bodies, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
8 Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh Str.,
Moscow, 125993, Russian Federation,
email: esteshich@mail.ru

КРАЖА, НАХОДКА, ЗАКОН И ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

THEFT, DISCOVERY, LAW AND THEORY OF CRIMINAL LAW

АННОТАЦИЯ. В условиях «новой нормальности» возобладали тенденции привлечения к уголовной ответственности за присвоение находки, а поскольку этот состав давно декриминализован, то это достигается имплантацией признаков гражданско-правового деликта в состав ст. 158 УК РФ «Кража». При этом нарушаются фундаментальные основы уголовного права, в частности применяется институт аналогии, смешиваются разные отрасли права, вменяются в вину нашедшему лицу действия и мыслительные процессы, выходящие за пределы объективной, субъективной стороны и временных границ кражи. Грубо нарушаются и ст. 3, 8 УК РФ. Авторы считают, что игнорирование базисных основ уголовного права недопустимо и не может быть терпимым, что требует коренного изменения судебной практики или уголовного закона путем криминализации присвоения находки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кража; находка; момент окончания преступления; объективная и субъективная сторона состава; смешение признаков гражданско-правового деликта с признаками преступления; недопустимость аналогии и уголовной ответственности за декриминализованное деяние.

ABSTRACT. In the conditions of the “new normal,” the tendency to bring criminal liability for misappropriation of finds has prevailed, and since this offense has long been decriminalized, this is achieved by implanting signs of a civil tort into Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation “Theft”. In this case, the fundamental principles of criminal law are violated, in particular, the institution of analogy is used, different branches of law are mixed, and the finder is charged with actions and thought processes that go beyond the objective, subjective side and time boundaries of theft. Art. Art. is also grossly violated. 3 and 8 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors believe that ignoring the basic principles of Criminal Law is unacceptable and cannot be tolerated, which requires a fundamental change in judicial practice or criminal law by criminalizing the misappropriation of finds.

KEYWORDS: theft; discovery; moment of completion of the crime; objective and subjective side of the composition; confusion of signs of a civil tort with signs of a crime; inadmissibility of analogy and criminal liability for a decriminalized act.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Корецкий, Д. А. Кража, находка, закон и теория уголовного права / Д. А. Корецкий, Е. С. Стешич. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 75–83. – DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-10.

FOR CITATION:

Koretsky, D. A., Steshich, E. S. (2023) Theft, Discovery, Law and Theory of Criminal Law. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 10 (4): 75–83 [in Russian]. – DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-10.

Процесс социального, экономического и технологического развития общества неизбежно влечет за собой изменение преступности: появляются новые виды преступлений, способы их совершения, меняются и предметы посягательств. В годы Великой Отечественной войны и сразу после нее предметами краж, грабежей и разбоев являлась поношенная одежда, вязанка дров или ведро угля, самые простые продукты питания; в 1950–1960-х гг. похищались наручные часы, портативные радиоприемники, незамысловатые украшения, в 1970–1980-х – меховые шапки, кожаные куртки, джинсы. Предметом современной корыстной преступности стали энергоносители, кредитные и дебетовые карты, всевозможные электронные гаджеты.

Изменение преступности влечет за собой и изменения в законодательстве: появляются новые составы преступлений, утратившие значимость уголовно-правовые нормы отменяются, а ставшие актуальными криминальные деяния предусматриваются во вновь вводимых статьях УК. В этом процессе представляет интерес отношение к уголовно-правовой регламентации присвоения находки. Данный состав преступления был в свое время изъят из уголовного кодекса в связи с малозначительностью. Однако в современной правовой реальности к подобным деяниям вернулись. Представляется, что во многом причиной актуализации проблемы стали получившие широкое распространение мобильные телефоны, обладающие высокой стоимостью, нередко теряемые и по своим техническим данным позволяющие определять их геолокацию. Во всяком случае, именно мобильные телефоны фигурируют в большинстве судебных приговоров, вынесенных в отношении лиц, незаконно приобретших их путем находки и привлекаемых к ответственности за кражу (по опубликованным данным – 67 %) [10]. Реальная возможность раскрытия их перехода в чужие руки, в то время как раскрываемость краж зачастую представляет значительные

трудности, весьма перспективна для повышения показателей эффективности работы правоохранительных органов, если такой переход будет квалифицироваться как кража. На эту тему появились научные статьи и судебные решения, противоречиво рассматривающие проблему соотношения находки и кражи. При этом отнесение находки к краже часто вызывает обоснованные сомнения вследствие многочисленных неточностей и грубых ошибок, допускаемых сторонниками таких выводов.

Вот, например: «Уголовный кодекс Российской Федерации отказался от установления ответственности за присвоение найденного, в результате чего произошел возврат к квалификации присвоения найденного как кражи в связи с отсутствием возможности уголовно-правовой оценки содеянного иным образом (здесь и далее подчеркнуто нами. – Авт.). Верховный Суд Российской Федерации не дает разъяснений по поводу квалификации содеянного в данной ситуации» [2, с. 42].

Или «...нельзя согласиться с доводами о невозможности квалифицировать действия лица, обратившего в свою собственность найденную вещь, как кражу только исходя из того, что действующий уголовный закон не содержит нормы за присвоение найденного или случайно оказавшегося у него имущества (ст. 148.4 УК РСФСР 1960 г.)». Авторы делают вывод, что фактически указанные деяния в настоящее время декриминализованы, и даже предлагают дополнить действующий уголовный закон ст. 165.1, восстановив соответствующую норму (ст. 148.4 УК РСФСР 1960 г.) [13].

Непонятно, почему авторы процитированных работ не прислушиваются к совершенно правильному мнению оппонентов и считают возможным обязательно квалифицировать декриминализованное, а следовательно, не преступное и не влекущее уголовной ответственности деяние по другой норме УК? Ведь это прямо противоречит ст. 3 УК РФ: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные

уголовно-правовые последствия определяются только настоящим кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается» (!). Кроме того, оппоненты совершенно справедливо опираются на якобы отсутствующее разъяснение Верховного Суда, которое на самом деле присутствует и изложено вполне ясно: «Полагаем, что в данном случае не учитываются разъяснения, изложенные в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 “О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”, согласно которым кража характеризуется как исключительно незаконное изъятие имущества» [1, с. 47].

Не только процитированные, но также многие другие исследователи этого вопроса, и даже суды игнорируют ст. 3 УК, предлагая привлекать к уголовной ответственности лиц, нарушивших нормы Гражданского кодекса (!) и вынося им обвинительные приговоры.

Между тем вовсе не «статус найденной вещи», не последующие действия с ней и не невыполнение гражданско-правовых обязанностей являются основанием уголовной ответственности, а совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом (ст. 8 УК РФ). В период наказуемости присвоения находки вопросы разграничения этого состава и кражи были достаточно хорошо разработаны на основе фундаментальных основ уголовного права, анализа опирающихся на теоретический базис действующих законов, вытекающей из них судебной практики, направляемой руководящими разъяснениями Верховного суда. Ученые-юристы того времени единодушно исходили из того, что нарушение охраняемого законом объекта может быть совершено не любыми, а только определенными действиями [6, с. 137]. При этом ключевыми элементами вопросов уголовной ответственности являлись понятия способа совершения преступления, момента окончания преступления, объективной и субъективной стороны преступления, и никаких расхождений ни между учеными, ни между ними и правоприменителями не наблюдалось.

«Способ совершения хищений независимо от того, в какой конкретной форме он объективировался вовне, состоит, как говорит закон, в изъятии и (или) обращении чужого имущества

в пользу виновного или других лиц. Изъятие чужого имущества типично для кражи... которая завершается фактическим завладением предмета посягательства. “Изъятие”, о котором говорит закон, есть не что иное, как противоправное извлечение, вывод, удаление и любое другое обособление имущества из владения собственника с одновременным переводом его в фактическое незаконное физическое обладание преступника. Корыстное присвоение уже выбывших из владения собственника предметов, например ввиду их утраты, не являясь изъятием, не может образовать состав хищения. Между активными действиями расхитителя, выразившимися в изъятии и (или) обращении имущества в свою пользу... и наступившими вредными последствиями должна быть установлена необходимая причинная связь. Хищение признается оконченным преступлением с момента фактического изъятия имущества и наличия у виновного реальной возможности распорядиться или пользоваться им по своему усмотрению как своим собственным. Субъективная сторона любой формы хищения характеризуется виной в виде прямого умысла» [3, с. 349–351].

То есть бесспорно считалось, что объективную сторону преступления кражи образует процесс изъятия или завладения чужим имуществом, что вытекало и из п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4, в котором говорилось о том, что окончательность хищения связана с изъятием и возможностью распорядиться или пользоваться предметом преступления. А под присвоением находки понималось незаконное обращение в свою пользу найденного чужого имущества, случайно вышедшего из владения другого лица. При этом говорилось и о гражданско-правовых обязанностях лица, нашедшего потерянную вещь, но не применительно к ответственности за кражу, а исключительно применительно к составу присвоения находки.

Вместе с тем в отношении вещей, временно оставленных владельцем с намерением вернуться за ними или забытых, делался иной вывод: нельзя рассматривать как присвоение находки обращение в свою пользу вещи, оставленной в доме, во дворе, помещении и иных местах, – такие действия содержат признаки кражи. При этом не всегда образует кражу за-

владение вещью, вышедшей из владения собственника помимо его воли, если обратившее ее в свою пользу лицо даже знает, кому она принадлежит. Объясняется такое решение тем, что вещь вышла из владения собственника помимо его воли и незаметно для него, и он лишился возможности осуществлять правомочия собственника, а следовательно, присвоение предмета случайно обнаружившим его лицом не нарушает чужого владения и не может рассматриваться как кража [8, с. 200; 9, с. 227; 12, с. 293–294]. Словом, вопросы разграничения рассматриваемых составов были хорошо изучены, основывались на теоретических основах уголовного права и дискуссий не вызывали, но к настоящему времени, к сожалению, оказались забытыми.

После изъятия из УК нормы о присвоении находки вопрос об отграничении данного деяния от кражи в уголовно-правовой литературе продолжал рассматриваться, и вовсе не потому, что появилась необходимость квалифицировать присвоение находки по другим статьям УК, как ошибочно утверждают некоторые исследователи и правоприменители: отмена нормы об уголовной ответственности деяния есть не что иное, как декриминализация этого деяния. Поэтому разграничение кражи и присвоения находки преследует цель отграничения преступления от гражданско-правового деликта. Вместе с тем различаются понятия утерянной вещи и забытой. Завладение забытой вещью, местонахождение которой собственнику известно и которую он теоретически может вернуть, есть кража, ибо является нарушением его права собственности, в частности такого его правомочия, как юридическое право владения, которое теоретически существует между ним и его временно оставленной вещью. При утере вещи, когда собственник не знает, где она находится, он фактически утрачивает возможность реализации права владения ею, а следовательно, завладевший потерянной вещью человек права собственности не нарушает, так как оно уже нарушено обстоятельствами, т. е. кражи не совершает – его морально неодобряемые действия образуют гражданско-правовой проступок, и собственник имеет право, обнаружив свою вещь в чужом незаконном владении, требовать ее возврата в гражданско-правовом порядке [11, с. 185–186].

Не меняют положения и действия, которые совершены уже после завладения предметом и направлены на удержание его у себя и использование в своих целях (замена SIM-карты в найденном телефоне, продажа найденной золотой цепочки и т. д.), что в настоящее время рассматривается судебной практикой как подтверждение факта кражи. Такой подход, к сожалению, не основан ни на правовых нормах, ни на теории уголовного права, ни на демократических принципах уголовной ответственности. Более того, он смыкается с печально известным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества», которым любое умышленное незаконное обращение в свою пользу государственного имущества рассматривалось как хищение [5, с. 456]. В качестве примера можно привести следующее уголовное дело и решения по нему всех судебных инстанций, включая самые высшие.

Пузряков В. С., обнаружив в салоне автомобиля, используемого им в качестве такси, телефон, принадлежащий пассажиру, которого доставил к железнодорожному вокзалу, забрал его себе и присвоил, последующие звонки и SMS-сообщения владельца, просившего вернуть ему забытую вещь, он игнорировал. На наш взгляд, Пузряков обоснованно осужден за кражу, однако мотивировка приговора и последующих судебных решений вызывает серьезные сомнения. Кража совершена им в момент прерывания права собственности и юридического владения телефоном потерпевшего путем умышленных волевых действий, направленных на противодействие потерпевшему, пытавшемуся распорядиться принадлежащей ему вещью с целью возвращения ее в свое фактическое владение. Между тем мировой судья мотивировал действия осужденного таким образом: «...из корыстных побуждений тайно забрал телефон себе и распорядился им по своему усмотрению. При этом, заменив в телефоне SIM-карту, стал пользоваться им по назначению со своей SIM-картой, попыток установить владельца телефона не предпринимал, пытался скрыть от сотрудников полиции факт обладания телефоном, в течение длительного времени пользовался чужим смартфоном, рассказывал свидетельнице, что этот смартфон забыл в такси один из пассажиров. Эти и другие до-

казательства... свидетельствуют, что похищенный Пузряковым В. С. телефон находился в исправном состоянии, имел идентификационные признаки, обнаружен виновным в автомобиле, на котором он в тот день работал. Обстоятельства обнаружения телефона позволяли установить его владельца, однако Пузряков В. С., имея умысел, направленный на обращение телефона в свою пользу, действуя с корыстной целью, не предпринял каких-либо мер для выявления его принадлежности и установления его собственника. Более того, сознавая, что телефон забыт собственником, последнему известно место его нахождения и тот имеет возможность за ним вернуться, Пузряков В. С. не реагировал на поступавшие от потерпевшего вызовы и смс-сообщения. Заменяв в телефоне SIM-карту, он некоторое время пользовался телефоном по назначению, пытался скрыть от сотрудников полиции факт обладания телефоном».

Таким образом, мотивировочная часть приговора, вынесенного за кражу, описывает объективную сторону деяния, соответствующего отнюдь не краже, а присвоению находки, т. е. гражданско-правовому деликту, в то время как ключевой признак кражи – умышленные волевые действия, направленные на прерывание права собственности, – упоминаются мимоходом и не анализируются. Апелляционная и надзорная инстанции с приговором согласились. Президиум Верховного Суда РФ повторил мотивировку присвоения найденного и согласился с квалификацией этих действий как кражи: «При оценке его действий с точки зрения квалификации суды исходили из фактических обстоятельств дела, согласно которым Пузряков В. С. совершил противоправное и активное сокрытие найденного имущества, направленное на окончательное лишение законного владельца утраченного имущества и распоряжение чужим имуществом как своим собственным, что по своей природе является преступлением – кражей».

По жалобе Пузрякова дело было рассмотрено Конституционным Судом Российской Федерации, который своим постановлением признал ч. 1 и п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в своей взаимосвязи по конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они

предполагают, что объективную сторону хищения в виде кражи найденного имущества, заведомо принадлежащего другому лицу и не имеющего признаков брошенного, образует единое сложное деяние, состоящее из завладения (установления фактического владения) обнаруженной чужой вещью, сопряженного с ее сокрытием или сокрытием источника ее получения, ее принадлежности другому лицу или ее идентифицирующих признаков, для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных, лиц, чем причиняется ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, а равно тайное завладение с теми же целями чужой вещью, когда лицо, завладевшее ею, наблюдало ее потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что само по себе невыполнение действий, предусмотренных п. 1, 2 ст. 227 ГК РФ, если в нем не содержатся указанные признаки, не дает оснований для привлечения к ответственности за кражу. Непонятно, зачем рассматривать норму из другой отрасли права, которая сама по себе заведомо не может служить основанием для привлечения к уголовной ответственности по запрещенному в российском уголовном законодательстве институту аналогии и констатировать совершенно очевидный факт? Еще более непонятно, почему после такой констатации во всех приговорах судов о краже находки обязательно упоминается ст. 227 ГК в контексте подтверждения виновности нашедшего в краже?

Оказывается, что Конституционный Суд Российской Федерации, вопреки своему утверждению, не исключает ст. 227 ГК из логической цепи своих дальнейших суждений, а, наоборот, делает ее опорной для фактического обоснования идентичности двух совершенно разных по своей правовой природе деяний: присвоения находки и кражи.

Так, касаясь отграничения правомерного поведения лица, нашедшего вещь, от собственно хищения, Конституционный Суд отметил, в частности, что законодательно конкретизированным критерием для такого разграничения служит дальнейшее активное поведение лица,

обнаружившего найденную вещь. Если наряду с невыполнением (воздержанием от) действий, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, лицо совершает сокрытие найденной вещи (в тайнике, в своих вещах, в одежде, путем передачи другому лицу в целях сокрытия и т. д.) либо сокрытие (уничтожение) признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу (вынимает SIM-карту из телефона, снимает чехол и т. д.), то такое активное поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение этого имущества и о наличии корыстной цели, а потому деяние, начавшееся как внешне правомерная находка, может перерасти в преступление, утрачивая признаки правомерности.

Применительно к вопросу о составообразующих признаках кражи найденного имущества Суд подчеркнул, что противоправное и активное сокрытие имущества нашедшим его лицом, обусловленная этим (? – Авт.) недостаточность гражданско-правовых мер по защите прав его законного владельца, общественная опасность его присвоения как крайней формы злоупотребления нашедшим своими правомочиями свидетельствуют о выходе за частноправовые пределы, очерченные ст. 227 ГК РФ. Признаки такого злоупотребления могут расцениваться в качестве составообразующих признаков преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, с учетом тайного способа обращения с потерянной вещью, сокрытия факта ее обнаружения и принадлежности другому лицу [7].

Соглашаясь в целом с решением Конституционного Суда, отметим, что некоторые его аспекты вызывают возражения. Так, Суд вышел за пределы ст. 158 УК РФ, объединив разные деяния – кражу и находку – в одно понятие «хищение в виде кражи найденного имущества, заведомо принадлежащего другому лицу и не имеющего признаков брошенного», а также фактически добавив в понятие кражи новые элементы объективной стороны состава преступления «кража»: сокрытие найденной вещи или сокрытие источника ее получения, ее принадлежность другому лицу, наблюдение ее потери собственником, наличие возможности незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь. По существу, Конституционный Суд добавил в диспозицию

ст. 158 УК РФ некие факультативные признаки, выходящие за пределы ст. 227 ГК, предложив их в виде обязательных признаков состава кражи и намертво привязав к «исходной» ст. 227 ГК, ибо без них нарушение этой статьи оснований для уголовной ответственности по решению самого Конституционного Суда не дает. Таким образом, Суд создал новую конструкцию из симбиоза ст. 227 ГК и ст. 158 УК, моделируя расширенную диспозицию состава преступления путем использования признаков присвоения находки, которые «могут расцениваться в качестве составообразующих признаков преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ».

Однако, во-первых, не измененная в установленном порядке ст. 158 УК никаких новых составообразующих признаков не приобрела, к тому же подобная модернизация уголовного законодательства и использование при этом аналогий с гражданским правом противоречат ст. 3, 8 УК РФ. Больше того, полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, предусмотренные ст. 3 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», такового проектирования правовых конструкций не предусматривают, зато предписывают при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживаться от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов – в данном случае законодательных.

Следует отметить, что некоторые формулировки Конституционного Суда лишены конкретности или носят предположительный характер. В чем состоит «крайняя форма злоупотребления нашедшим своими правомочиями»? Никакими правомочиями как юридической возможностью осуществлять какие-либо законные действия нашедший вещь вообще не обладает, что и давало основания ранее привлекать его к уголовной ответственности за присвоение находки. В чем состоит «противоправное и активное сокрытие имущества нашедшим его лицом»? Достаточно ли, чтобы попасть под столь суровую дефиницию, просто положить находку в карман и отнести ее домой, а потом пользоваться, не рассказывая друзьям и соседям об обстоятельствах ее при-

обретения? Или открытая переноска находки плюс циничная откровенность исключат «противоправность и активность сокрытия»? А как можно вообще найти и присвоить что-то без противоправности и сокрытия? Которые, кстати, и образуют давно декриминализованный состав присвоения находки и не имеют никакого отношения к краже?

В постановлении Конституционного Суда неоднократно употребляются предположения вместо точно определенных формулировок: «такое поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение»; «правомерная находка может перерасти в преступление»; «признаки... могут расцениваться в качестве преступления». Но предположительное суждение предполагает и альтернативные варианты ответов: может свидетельствовать, может перерасти, могут расцениваться, а могут не свидетельствовать, не перерасти, не расцениваться... А при выборе между «можно» и «нельзя», когда речь идет о привлечении лица к уголовной ответственности, надо исходить из ст. 49 Конституции России, провозглашающей принцип презумпции невиновности, и ст. 14 УПК РФ, дублирующей этот важнейший конституционный принцип, и давать ответ «нельзя».

Не учтены и временные рамки, в которых продолжается преступление или осуществляется находка. В соответствии со ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом. Это положение находило отражение и в судебной практике: «Кража считается оконченной с момента, когда виновный приобретает реальную возможность распорядиться изъятым чужим имуществом по своему усмотрению» [4, с. 327].

Действия лица, которое неправомерно путем приобрело чужую вещь, не могут стать преступными вследствие того, что оно стало использовать ее по своему усмотрению. Если человек нашел золотую брошь и отдал ее ювелиру для внесения каких-либо художественных изменений либо продал или подарил ее, то это не может свидетельствовать о том, что неправомерные действия стали преступными. Точно так же следует расценивать действия с найденными мобильными телефонами, замена

SIM-карты и снятие чехла которых расцениваются как попытка нового владельца избежать возможного разоблачения. На самом деле замена SIM-карты (не говоря уже о чехле) вовсе не является уничтожением признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество, и не анонимизирует фактического владельца, ибо каждый мобильный телефонный аппарат имеет собственный идентификационный номер – IMEI, и замена SIM-карты, а тем более чехла не препятствует обнаружению аппарата и определению его локации.

Кроме того, после того как вещь, без усилий нашедшего ее лица, вышла из фактического владения хозяина и новый владелец получил возможность ею пользоваться и распоряжаться, находка должна считаться оконченной, так же как оконченной считается кража, при которой предмет выведен из владения собственника волевыми и физическими действиями виновного. Появившееся намерение «оставить вещь у себя» не может изменить оценку уже совершенного некриминального перехода фактического владения от одного лица к другому, не говоря уже о том, что последующие субъективные мыслительные процессы – мотивы, желания, намерения – не могут подменить объективную сторону кражи. Точно так же, как ремонт найденных часов или починка порванной золотой цепочки не могут превратить уже оставшийся в прошлом факт находки в кражу. Исключением из этого правила могут служить факты, при которых собственник обращается к незаконному, но пока еще не криминальному приобретателю с целью вернуть потерю, а тот противодействует этому волевыми действиями, которые и образуют состав кражи. Именно такие действия совершил упомянутый выше Пузырьков, справедливо осужденный за кражу.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что целью настоящей статьи является даже не частный вопрос о разграничении преступления (кража) и гражданско-правового деликта (присвоение найденного). Речь о довольно успешных попытках восполнить декриминализованный состав присвоения находки путем принудительной имплантации его в действующий состав кражи, создавая незаконную новую диспозицию ст. 158 УК. При этом происходит пренебрежение фундаментальными основами уголовного права, нарушение закона

и юридической логики, смешивание норм разных отраслей права. Игнорируется тот факт, что ответы на рассматриваемые вопросы хорошо изучены и даны много лет назад в фундаментальных учебниках, монографиях, комментариях к Уголовному кодексу. По существу, судебная практика то ли вытесняет теорию уголовного права, на которой эта практика должна основываться, то ли отмежевывается от нее. Во всяком случае, приходилось слышать спор двух правоприменителей, один из которых утверждал, что теоретические вопросы, изложенные в учебниках и монографиях, не играют роли при вынесении судебных решений. Правда, оппонент заметил, что при такой позиции надо сдать диплом юриста, который получен как раз за знание теории юриспруденции. На этот довод трудно что-то возразить, впрочем, так же трудно представить, что кто-то воспользуется этим несомненно дельным советом.

Выводы и предложения:

1. В период новой нормальности появилась тенденция применять уголовное наказание за присвоение находки, но поскольку данный состав давно декриминализован, лицо привлекают к ответственности за кражу, обосновывая это надуманными признаками, которые традиционно относились к подтверждению умысла на присвоение находки и отношения к диспозиции ст. 158 УК РФ не имеют.

2. Объективная сторона кражи состоит в реализации прямого умысла исполнителя и его действия (бездействия), выводящего имущество из законного владения собственника с целью обращения в свое незаконное фактическое владение. Случайное, без умысла и целенаправленных действий, фактическое завладение чужим имуществом не является кражей. Последующие намерения обратить имущество в свою пользу и действия, на это направленные, выходят как за пределы объективной стороны состава ст. 158 УК РФ, так и за временные рамки уже совершенного фактического завладения имуществом, т. е. оконченной кражи.

3. Никакие действия, выходящие за пределы ст. 227 ГК РФ, не могут расцениваться в качестве составообразующих признаков преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, поскольку речь идет о нормах различных отраслей права, к тому же такой подход противоречит ст. 3, 8 УК РФ.

4. Вышеприведенные доводы давно известны, они изложены в научной, учебной литературе и относятся к базисным основам уголовного права. Их игнорирование свидетельствует или о незнании теоретического фундамента правоприменительной практики, либо о пренебрежении им. Трудно сказать, что хуже, но оба варианта не могут быть терпимы.

5. Если институт уголовной ответственности за присвоение найденного действительно востребован состоянием и общественной опасностью этого деликта (хотя кроме обобщения практики Верховным судом Республики Карелия от 21.11.2018 серьезные исследования по данной проблеме не публиковались), надо вернуться к соответствующей уголовно-правовой норме с отработанной диспозицией и санкцией, соответствующей общественной опасности деяния.

Список использованных источников

1. Багаутдинов Ф., Валиулин Л. Кража или находка – проблемы разграничения // Законность. 2017. № 6. С. 46–47.
2. К вопросу о разграничении кражи и присвоения найденного / А. В. Макаров, Т. П. Страмилова, А. В. Куприянова, Ю. О. Федурин // Российский следователь. 2021. № 7. С. 41–46.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: НОРМА, 1999. 832 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой. Ростов н/Д: МАРТ, 2002.
5. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3 / ред. Н. А. Беляев, Г. З. Анашкин, В. С. Прохоров [и др.]. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. 836 с.
6. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 229 с.
7. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2023 г. № 6-П23 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств». URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-26042023-n-6p23/>
8. Советское уголовное право. Общая и особенная части: учебник / под ред. В. Д. Меньшагина. М.: Госюриздат, 1962. 479 с.
9. Советское уголовное право. Часть Особенная / ред. Н. И. Загородников. М.: Юридическая литература, 1965. 488 с.
10. Справка по результатам обобщения судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с хищением найденного или забытого имущества

(подготовлена судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Карелия 21.11.2018). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=230540#AzkWWyTDR2JrIPp8>

11. Уголовное право России: учебник для вузов. Т. 2. Особенная часть. М.: НОРМА: ИНФРА, 1998. 795 с.

12. Уголовное право. Часть Особенная / В. А. Владимиров, П. Ф. Гришанин, Н. И. Загородников [и др.]. М.: Юридическая литература, 1968. 582 с.

13. Хромов Е. В. Вина и статус найденной вещи как главные критерии разграничения кражи и находки // Уголовное право. 2019. № 2. С. 86–95.

References

1. Bagautdinov F., Valiulin L. Theft or discovery – problems of differentiation // Legality. 2017. No. 6. P. 46–47.

2. On the issue of distinguishing between theft and appropriation of what was found / A. V. Makarov, T. P. Stramilova, A. V. Kupriyanova, Yu. O. Fedurina // Russian Investigator. 2021. No. 7. P. 41–46.

3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Ed. by Yu. I. Skuratov, V. M. Lebedev. Moscow: NORMA, 1999. 832 p.

4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation with article-by-article materials and judicial practice. Rostov-on-Don: MART, 2002.

5. Course of Soviet criminal law. Part Special. Vol. 3. / Ed. by N. A. Belyaev, G. Z. Anashkin, V. S. Prokhorov [et al.]. Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 1973. 836 p.

6. Nikiforov B. S. The object of the crime according to Soviet criminal law. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 229 p.

7. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 26, 2023 No. 6-P23 “On the resumption of criminal proceedings due to new circumstances”. Available at: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-26042023-n-6p23/>

8. Soviet criminal law. General and Special parts: Textbook / Ed. by V. D. Menshagin. Moscow: Gosyurizdat, 1962. 479 p.

9. Soviet criminal law. Part Special / Ed. by N. I. Zagorodnikov. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1965. 488 p.

10. Certificate on the results of generalization of judicial practice in criminal cases on crimes related to the theft of found or forgotten property (prepared by the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Karelia on November 21, 2018). Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=230540#AzkWWyTDR2JrIPp8>

11. Criminal law of Russia: textbook for universities. Vol. 2. A Special part. Moscow: NORMA: INFRA, 1998. 795 p.

12. Criminal law. Part Special / V. A. Vladimirov, P. F. Grishanin, N. I. Zagorodnikov [et al.]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1968. 582 p.

13. Khromov E. V. Guilt and status of the found thing as the main criteria for distinguishing between theft and discovery // Criminal Law. 2019. No. 2. P. 86–95.

Поступила в редакцию 07.10.2023

Received October 07, 2023